

служат: близость в восприятии носителей языка позиций субъекта обмана и того, кто подшучивает, насмехается над кем-либо, устраивает проделки в адрес кого-либо; негативно-оценочный «заряд» семантики лексем-«доноров» (обозначающих, как правило, пустое времяпрепровождение, иногда приносящее ущерб объекту действия) и связанная с ним легкость развития широкой отрицательной семантики — ср., к примеру, спектр значений диал. *прокурáтка* ‘проказница, шутница, затейница, пройдоха, проныра, обманщица’; ср. также наличие во многих названных гнездах — наряду с семантикой веселья и озорства — значений, связанных с непристойным (в том числе речевым) поведением, пьянством, сумасбродством и пр.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978—. Т. 1—.

И. А. Кюршунова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск
kiam@onego.ru

Шведские документы донационального периода как источник исследования антропонимии Карелии*

Поземельные книги Кексгольмского лена конца XVI — 1-й половины XVII в., написанные на шведском языке, относятся к бывшей территории Карелии — части Водской пятины, которая по Столбовскому договору 1617 г. перешла под власть Швеции. Эти источники содержат весьма значительный антропонимический материал: более 27 000 употреблений примерно на 6 000 человек.

Носителями именований в названных документах обычно являются крестьяне, бобыли, представители низшего духовного сословия, реже — мастера. Этнический статус именуемых возможно определять лишь гипотетически, поскольку соответствующие упоминания в документах немногочисленны: *Nils Karjalainen*, *Peter Lappalain*,

*Исследование выполняется при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

© Кюршунова И. А., 2015

Pawell Rotzalaiin, Ondruska Wenäläin, Johan Wirolaijn, Matti Wäpsä и т. д. (в целом около 80 именований).

В корпусе исследуемых имен нами были выделены антропонимы, имеющие формальные и/или семантические показатели их отношения к русскому ономастикону: 1) патронимические форманты *-ов/-ев, -ин*: *Iwanof, Petrof, Sidorof, Jermolin, Strihin, Utkin* и т. п.; 2) некалендарные русские имена и прозвища: *Drusina, Jstoma, Kotza, Muras, Possdäk* и др.; 3) модифицированные и немодифицированные русские календарные имена: *Andrejko, Anna, Dimetrei, Grinka, Iwan, Irinia, Wahruska, Wanka, Wasilisto* и т. п.

В процессе отбора учитывалась структура именования в целом, поэтому в исследуемый корпус мы включили даже имена, содержащие «нерусский» этнический маркер, например, *Lusika Jwana, Perwoi Räsenpoika, Rebu Samuilkof, Worona Omelinpoika* и т. п. Необходимость учета этого материала обусловлена тем, что шведские писцы нередко отражали имена непоследовательно: ср. записи одного и того же человека (*Onufrei Hoskonpoika*, 1618 г. — *Änfriko Hoskoief*, 1637 г.) и близких родственников (*Jgnata Reskenen*, 1618 г. — *Waska Reeskin*, 1631 г.) в документах разных лет.

Представим некоторые наблюдения, основанные на анализе отобранного материала.

1. Несмотря на достаточно «позднюю» эпоху, в антропонимиконе интересующей нас территории продолжают функционировать некалендарные личные имена (75 имен примерно на 150 носителей). При этом используются только имена, составляющие «ядро» древнерусского именника: *Malijta, Mensika, Netzaiko, Sdanko, Subatka, Wolk* и др. Для данной территории в указанное время это, видимо, следует считать специфическим отголоском дохристианской славянской культуры.

2. Среди некалендарных имен выделяется группа антропонимов, которые не зафиксированы в ономастиконе Карелии XV–XVII вв., в том числе и в западной части Водской пятины (*Байбака, Будилко, Бутко, Позорко, Туница*). Возможно, процесс имянаречения на землях Кексгольмского лена дольше сохранял традиции, свойственные «старой» славянской ономастической системе.

3. Анализ репертуара календарных именовании, отмеченных в По-земельных книгах Кексгольмского лена, показал, что для наречения детей здесь выбирали те же имена, что и по всей Руси; совпадает в целом

и «ядро» частотных календарных имен. В то же время на исследуемой территории в число наиболее популярных вошли некоторые имена, не входящие в «первую десятку» в русскоязычных документах Карелии. Кроме того, в землях Кексгольмского лена отмечается достаточно много антропонимов, имеющих единичную фиксацию.

4. Календарный именник в письменных памятниках Кексгольма представлен в основном модифицированными формами, как и в русскоязычных официально-деловых документах Руси того же времени. Соответственно, как и на других территориях, в землях Кексгольмского лена деминутивно-квалитативная форма антропонима имела нейтральный характер и выполняла функцию официального имени. Для образования модификатов здесь использовались преимущественно форманты *-к-* и *-ш-* (*-шка*). При этом нельзя не отметить, что формант *-к-* оказывал своеобразное влияние на западноевропейский именник. Так, в Книге 1637 г., имеющей, помимо шведской, русскую часть, этот формант отмечен в основном при западноевропейских онимах, и именно в русской части, ср. *Grejus* / *Реоушко*, *Lassi* / *Лассико*, *Olli* / *Оллыко* и т. п. Это, безусловно, следует квалифицировать как результат воздействия русской системы именования на чужой ономастикон.

5. Процесс интерференции антропонимиконов в наибольшей степени отразился в структурах именования. Это проявляется в существовании различных «гибридных» имен, совмещающих разноразличные и разноразличные «формальные» элементы, ср.: *Christåforko Nasonofsin Pärskuief*, *Perwoi Räsenpoika*, *Pätoi Koldijrin Weseloi*, *Sidorko Kolmisilma* и др. Однако основное влияние русской системы следует видеть в использовании формулы трехкомпонентного именования для представителей нерусского населения: *Olli Ollinpoika Porkanen*, *Paula Maximanpoika Tausunen* и т. п.

Таким образом, отобранный материал дает возможность пополнить общие сведения по антропонимии Карелии, способствует выявлению исторических — универсальных и региональных — моделей именования человека, а также иллюстрирует особенности языковой интерференции на ономастическом уровне.